

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск IX

Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург
2019

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_9>

© www.milhist.info

© Белов Н.В.

ББК 63.3(2)44
УДК 94(47).04

Белов Н.В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г.

Статья посвящена раннему этапу военно-политической деятельности Шах-Али на службе Московскому государству (1516-1524 гг.). Особое внимание автор уделит рассмотрению обстоятельств первого правления Шах-Али в Казани (1519-1521 гг.), а также военных кампаний 1523 и 1524 гг.

Ключевые слова: XVI век; Шах-Али; Василий III; Казанское ханство; Московское государство; служилые Чингисиды; шерстные грамоты; поход 1523 г.; поход 1524 г.

Авторы: Белов Никита Васильевич, студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Область научных интересов: эпоха Ивана Грозного, Русская Церковь в XVI в. belovnikita1997@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

- Беляков А.В. Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. — Рязань, 2011.
- Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445-1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009.
- Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863. — Ч. 1.
- Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). — М., 2004.
- Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. — СПб., 2012.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.
- Почекаев Р.Ю. «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2011. — Вып. 3.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923.
- Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени. — Казань, 1998.
- Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVII вв. — Казань, 2009.
- Сафаргалиев Ю.В. Эволюция статуса Касимовского ханства в рамках русской государственности // Вестник Чувашского университета. — 2008. — № 4.
- Рахимзянов Б.Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2010. — Вып. 2.
- Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. — М., 1962.
- Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. — М., 1963.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). — М., 1982.

Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. — Йошкар-Ола, 2008.

Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. — М., 2016.

Пчелов Е.В. Рюриковичи: история и генеалогия. — М., 2016.

Беляков А.В. «Касимовское царство» раннего периода (XV – первая половина XVI в.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. — М., 2005. — Т. XVII. — Ч. 2.

Несин М.А. Статус касимовских Чингисидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение. — 2017. — Т. 5. — № 2.

Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. — Л., 1989.

Несин М.А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. I. — С. 76-154. <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

Милуков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901.

Акчурина М.М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции, посвященной памяти М.А. Усманова. — СПб., 2011.

Martin J. Medieval Russia, 980–1584. — Cambridge, 1995.

Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — М., 1948. — Вып. 27.

Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. — М., 2004.

Килунов А.Ф. К вопросу о морализме древнерусской летописи // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья: Историко-филологические очерки. — Киев, 1988.

Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. — М., 1960.

Котляров Д.А. О становлении «всей земли Казанской» // Исследования по истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. — М., 2006.

Почекаев Р.Ю. Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2012. — Вып. 4.

Петрякович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). — М., 1877.

Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. — М., 1948. — Вып. 27.

Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545-1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. — Т. 6. — М., 1954.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. — М., 1990.

Мейер М.С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. Формирование общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. — М., 2003.

Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2013. — Вып. 5.

Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. — М., 1974.

Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М., 1979.

Иовий П. Описания прославленных людей // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. — М., 1997.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238-1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. — М., 2000.

Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2015. — Т. 4. — № 2.

Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. — М., 2016.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2019/10/31/belov_1

Ссылка для печатных изданий:

Белов Н.В. Начало военно-политической карьеры Шах-Али: на пути к казанскому походу 1524 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. II. — С. 184-233 <http://www.milhist.info/2019/10/31/belov_1> (31.10.2019).

Belov N.V. The beginning of the military-political career of Shah Ali (Shahghali): on the way to the Kazan campaign of 1524

The article explores the early stage of the military-political activity of Shah Ali (Shahghali) on service for the Muscovite State (1516-1524). The author paid special attention to the circumstances of the first reign of Shah Ali in Kazan (1519-1521), as well as the military campaigns of 1523 and 1524.

Key words: Shah Ali (Shahghali); Vasili III of Russia; sixteenth century; Kazan Khanate; Muscovy; Genghisides-servicemen; letters of oath; campaign of 1523; campaign of 1524.

The authors: Belov Nikita Vasilievich is a student of the Institute of History at St. Petersburg State University. His research is focused on the reign of Ivan the Terrible, Russian Church in the 16th century belovnikita1997@yandex.ru.

References:

Pochekaev R.Ju. «Marginal'nye» gosudarstva na post-ordynskom prostranstve: chingizidskoe i rossijskoe vlijanie na gosudarstvenno-pravovoe ustrojstvo Kasimovskogo i Bukeevskogo hanstv ["Marginal" States in the post-Horde space: Chingizid and Russian influence on the state and legal structure of the Kasimov and Bukeev khanates] // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. — Kazan', 2011. — Vyp. 3.

Rahimzjanov B.R. K voprosu o «bufernyh zonah» vo vzaimootnoshenijah pozdnej Zolotoj Ordy i severo-vostochnyh russkih knjazhestv [On the question of "buffer zones" in the relations between the late Golden Horde and the North-Eastern Russian principalities] // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. — Kazan', 2010. — Vyp. 2.

Nesin M.A. Status kasimovskih Chingisidov pri Vasilii II i Ivane III po dannym pis'mennyh istochnikov [Status of Kasimov genghisids under Vasily II and Ivan III according to written sources] // Zolotoordynskoe obozrenie. — 2017. — T. 5. — № 2.

Nesin M. First generation of the Chingissid on the service to the Russian tsars as appears in biographies of the princely houses of the Kassim and Daniyar [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2018. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. I. — P. 76-154 <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

Akchurin M.M. Nachal'naja genealogija shirinskih knjazej [Initial genealogy of Shirin princes] // Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati M.A. Usmanova. — SPb., 2011.

Martin J. Medieval Russia, 980–1584. — Cambridge, 1995.

Kilunov A.F. K voprosu o moralizme drevnerusskoj letopisi [On the question of the moralism of the old Russian chronicle] // Otechestvennaja obshhestvennaja mysl' jepohi srednevekov'ja: Istoriko-filologicheskie ocherki. — Kiev, 1988.

Kotljarov D.A. O stanovlenii «vsej zemli Kazanskoj» [On the formation of «the whole land of Kazan»] // Issledovanija po istorii i kul'ture. Sbornik statej k 70-letiju professora Igorja Jakovlevicha Frojanova. — M., 2006.

Pochekaev R.Ju. Jevoljucija kurultaja v pozdnesrednevekovyh tjurko-mongol'skih gosudarstvah [Kurultai evolution in the late medieval Turkic-Mongolian States] // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. — Kazan', 2012. — Vyp. 4.

Smirnov I.I. Vostochnaja politika Vasilija III [The Eastern policy of Basil III] // Istoricheskie zapiski. — M., 1948. — Vyp. 27.

Shmidt S.O. Predposylki i pervye gody «Kazanskoj vojny» (1545-1549) [Background and the first years of the "Kazan war" (1545-1549)] // Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arhivnogo instituta. — T. 6. — M., 1954.

Mejer M.S. Rossiya i Osmanskaja imperija ot nachala XVI v. do 1569 g. Formirovanie obshhih granic dvuh gosudarstv [Russia and the Ottoman Empire from the beginning of the XVI century to 1569 the Formation of common borders of the two States] // Ot Stambula do Moskvy. Sbornik statej v chest' 100-letija professora A.F. Millera. — M., 2003.

Moiseev M.V. Politicheskaja bor'ba kazanskoj znati: istoriografija i russkie istochniki [Political struggle of Kazan nobility: historiography and Russian sources] // Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva. — Kazan', 2013. — Vyp. 5.

Tihomirov M.N. Novyj pamjatnik moskovskoj politicheskoj literatury XVI v. [New monument of Moscow political literature of the XVI century] // Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie. — M., 1979.

Iovij P. Opisanija proslavlennyh ljudej [Descriptions of famous people] // Rossiya v pervoj polovine XVI v.: vzgljad iz Evropy. — M., 1997.

Mihajlova I.B. Moskva i Kazan': voennye kampanii 1523 i 1524 gg. [Moscow and Kazan: military campaigns of 1523 and 1524] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. — 2015. — T. 4. — № 2.

Internet link:

http://www.milhist.info/2019/10/31/belov_1

Reference:

Belov N.V. The beginning of the military-political career of Shah Ali (Shahghali): on the way to the Kazan campaign of 1524 [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2019. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. II. — P. 184-233 <http://www.milhist.info/2019/10/31/belov_1> (31.10.2019).

Н.В. Белов

НАЧАЛО

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ

ШАХ-АЛИ:

НА ПУТИ

К КАЗАНСКОМУ ПОХОДУ

1524 г.

Первые шаги: от Касимова до Казани

В 1516 г. скончался хан Шейх-Аулияр¹. Неприметный касимовский правитель, по меткому замечанию современного исследователя прославившийся лишь тем, что являлся отцом двух видных государственных деятелей — ханов Шах-Али и Джан-Али², отнюдь не принадлежал к числу известнейших лиц своего времени. Будучи племянником знаменитого властителя Большой Орды Ахмад-хана³, Шейх-Аулияр в последние годы своей жизни довольствовался незавидной ролью «служилого» хана в полностью подконтрольном Москве Касимовском «царстве». С крахом Орды прямые потомки Ахмада превратились в орудия влияния расчетливых политиков Восточной Европы⁴, среди которых одно из первых мест занимал великий князь Московский Василий III Иванович.

Говоря о Касимове (Мещерском юрте), приходится сделать небольшое отступление. Время и обстоятельства создания «царства», его политический статус и правовое положение по отношению к Москве во многом остаются предметом историографических споров⁵. На страницах различных исследований, в той или иной степени затрагивающих историю Мещеры, Касимовское ханство предстает в различных ипостасях: суверенного «осколка» Золотой Орды (наравне с Казанским, Астраханским, Сибирским юртами)⁶, вассального по отношению к Москве особого (или же «маргинального»⁷) этнополитического образования⁸, специально созданного московскими политиками удельного княжества⁹ или же просто некоего бесправного феодального «держания» татарских царевичей¹⁰.

По мнению автора данных строк, в годы правления Василия III ханство в значительной мере напоминало полностью подконтрольные власти государя удельные княжества с той лишь разницей, что касимовские правители не были наследственными владельцами Мещеры — они назначались непосредственно великим князем. Касимовские ханы были лишены возможности самостоятельных внешнеполитических сношений и сильно ограничены в вопросах землевладения, судопроизводства и, вероятно, законодательных инициатив¹¹. В то же время московские государи старательно пытались придать Касимову атрибуты полноправного Джучидского государства: правители ханства гордо именовались «царями» и «царевичами» (в отличие от ханов постзолотоордынских государств, исправно титулуемых царями)¹² и в первое время даже получали в свою пользу «выход» с русских земель¹³, хотя стоит учесть, что к выплате «ясака» в пользу касимовских Чингизидов московские власти относились совсем иначе, чем к ордынскому «выходу»¹⁴. Вероятно, как полагают Б. Р. Рахимзянов и Р. Ю. Почекаев, данное обстоятельство было связано с политической линией русских государей, рассматривавших касимовских владельцев как возможных претендентов на троны постордынских образований, прежде всего — Казанского ханства. Одновременно с этим Мещера, безусловно, являлась также своеобразной марионеточной «буферной территорией», «щитом», прикрывавшим восточные окраины Московской Руси от стремительных казанских набегов¹⁵.

Таким образом, политическое образование, по разделяемой не всеми исследователями¹⁶ версии некоторых ученых, в критический момент феодальной войны 1425–1453 гг. навязанное Москве казанским ханом Улу-Мухаммедом¹⁷, стараниями московских правителей превратилось в грозное орудие, обращенное теперь против самой Казани.

Прибыв в Москву в 1502 г.¹⁸, Шейх-Аулияр десять лет спустя по воле русского государя занимает касимовский престол¹⁹, вместе с войсками Василия III во главе татарских отрядов участвует в первом походе на Смоленск²⁰ (впрочем, блестяще провалившемся, несмотря на «поделанные» литовцам «многие скорби и убытки»²¹) и вслед за тем... навсегда исчезает из поля зрения русских летописцев и составителей разрядных книг.

Смертью Шейх-Аулияра было ознaменовано начало политической карьеры его старшего сына Шах-Али, впоследствии сыгравшего огромную роль в покорении Казанского юрта.

Заявив в 1516 г. касимовский престол по воле Василия III²², юный Шах-Али тем самым вызвал бурю негодования у властителей могущественного Крымского ханства. Обеспокоенный хан Мехмед I Гирей писал русскому государю, что своенравные Ширинские князья отказываются присягать в дружбе к Москве, покуда во главе Касимовского юрта стоит враждебный им потомок Ахмад-хана²³. В январе того же года сам виновник дипломатических коллизий блестящий крымский аристократ Бахтияр-мирза Ширин²⁴ также направил грамоту великому князю с настойчивой просьбой возвести на касимовский престол одного из сыновей Мехмед Гирея²⁵.

Требования крымских властей, однако же, остались без ответа. Василию III было крайне выгодно иметь под рукой послушного Чингисида — законного наследника хана Ахмада и оказывать тем самым политическое давление на Крым, позиционировавший себя в качестве правопреемника Золотой Орды²⁶.

Отношения с Крымом еще более обострились после того, как вслед за смертью в декабре 1518 г.²⁷ казанского хана Мухаммед-Амина Шах-Али занял ставший вакантным ханский трон на Средней Волге. С кончиной Мухаммед-Амина пресеклась законная династия основателя ханства Улу-Мухаммеда. В этой обстановке крымский хан Мехмед I Гирей заявил свои права на распоряжение богатым «казанским наследством», намереваясь посадить «на царство» своего брата Сахиба²⁸. Масштабные политические проекты Мехмеда I, однако же, совершенно не устраивали князя Василия: государь не мог допустить объединения двух татарских юртов под эгидой враждебных Москве Гиреев. Кроме того, установление контроля над Казанью в перспективе открывало Василию III путь к созданию союзной коалиции враждебных Гиреям Москвы, Казани, Астрахани и Ногайской орды, вместе способных сдерживать великодержавные замашки хана Мехмеда²⁹. И сделать это можно было лишь единственным способом: перехватив инициативу, выставить своего кандидата на казанский престол.

Выбор у Василия III оказался невелик. Печальным итогом во многом необдуманной московской политики предшествующих лет стало отсутствие подчиненных государю всея Руси потомков Улу-Мухаммеда мусульманского вероисповедания — все татарские «царевичи» к тому времени были обращены в православие, а потому объективно не могли

заявить свои права на владение Казанским юртом. В этих условиях кандидатура Шах-Али становилась наиболее приемлемой для желавшего установить контроль над Казанью великого Московского князя³⁰.

Еще в июне 1518 г. казанское посольство возвестило Василию III о тяжелой болезни Мухаммед-Амина. Умиравший хан, вверяя русскому государю судьбу казанского престола, просил «*учинить царем*» в Казани своего брата Абдул-Латифа, томившегося в то время в московском «*нятьстве*»³¹. Уже 19 ноября 1518 г. выпущенный на свободу Абдул-Латиф скоропостижно скончался в Кашире³². Вслед за ним в мир иной отправился и его царственный брат Мухаммед. Казанский юрт осиротел. 29 декабря в Москву прибыли делегаты от «*всех казанских людей*», в соответствии с договором просившие Василия III распорядиться опустевшим ханским трон³³.

По мнению М. Г. Худякова, грамота с просьбой поставления нового хана была направлена Василию III от лица образованного в Казани после смерти Мухаммед-Амина «временного правительства»³⁴. Казанская элита понимала, что кандидатура правителя уже фактически утверждена Василием III, так что переговоры казанцев с великим князем изначально являлись не более, чем пустой формальностью. Вполне возможно, что московские политики при этом опирались на «мощную феодальную группировку князей Ширинов, имевшую своих представителей и в Казани, и в Крыму, и в Касимове, державшуюся московской ориентации» и более других заинтересованную в победе касимовского хана³⁵.

В январе прибывшие в Казань посланники Василия III объявили татарской знати о намерениях государя. После челобитья очередного посольства «от всея Казанския земли», согласившегося принять московского ставленника, Шах-Али был отправлен в Казань. Сопровождавшие его князь Д. Ф. Бельский, М. Ю. Захарьин и государев дьяк И. Телешев привели казанское правительство к присяге («*иерти*») «*на том, что им быти неотступным от государя великого князя и до своего живота*»³⁶.

Возведение на престол Шах-Али стало большим ударом для крымского двора. Ханский посланник князь Аппак, прибывший в Москву в незадолго до описываемых событий, находился в полнейшем замешательстве, настоятельно советуя Василию III царевича «с городка свести», заменив его родственником крымского властелина: «*а у нас*

брата ли нет или сына, и попросишь у нас брата или сына, и мы тебе дадим». На все заявления посла Василий III, лукавая, категорично утверждал, что казанцы сами отвергли кандидатуры крымских *«царевичей»*, испросив себе в ханы именно касимовского правителя³⁷. Особенную двусмысленность ситуации придавал тот факт, что параллельно с возведением Шах-Али на казанский трон активно шли переговоры Москвы и Крыма о заключении союзного договора против Литвы, утвержденного Василием III 1 мая того же года. В числе прочего, целуя крест, Василий III обязался *«на вопчих наших недругов на Ахматовых и на Махмутовых детей с ним есмь с братом своим на них заодин»*³⁸. Отправляя «царствовать» в Казань прямого потомка хана Ахмада, Василий III ходил по лезвию бритвы: он прекрасно понимал, что осуществленная за спиной у крымского союзника политическая авантюра едва ли не скажется на и без того непростых отношениях с Гиреями. Самоуправство великого князя в отношении Казани таким образом ставило под угрозу реализацию статей договора 1518 г., явившего собой значительную дипломатическую победу России³⁹.

«И грамоты шерстные великий государь велел написать...»

Вступая на ханский престол, Шах-Али обещал московскому князю быть с ним «в дружбе и в братстве», т.е. фактически взял на себя те же обязательства, что и его предшественник Мухаммед-Амин⁴⁰. Любопытно, что отдельная шерстная грамота была дана от имени правительства, представлявшего интересы *«всей земли Казанской»*. Казанские аристократы обязывались *«дела великого князя беречи и неотступным им быти от великого государя и со всею Казанскою землею и до своего живота, и их детям, ни царя им, ни царевича без великого князя нико-го не взяти»*⁴¹.

Современный исследователь Б. Р. Рахимзянов поставил под сомнение саму возможность заключения упомянутого в летописях *«шерстного»* договора между казанскими «князьями» и государем всея Руси на условиях *«неотступности»* татарской элиты от Москвы. Говоря о сообщениях официального летописания, историк категорично заявляет: *«Совершенно ясно, что все летописи писались с единственной целью — представить „отчет“ Богу перед концом света.*

Понятно, что этот «отчет» должен был представлять великого князя и все его действия только с положительной стороны, мысли об объективном изложении исторических событий у летописцев если и присутствовали, то явно не в первую очередь»⁴². Всецело опираясь на концепцию И.Н. Данилевского⁴³, провозгласившую эсхатологию системообразующим концептом летописных текстов⁴⁴, Б.Р. Рахимзянов полностью отметаает в сторону бесспорные, казалось бы, функции русского летописания, в отечественной историографии справедливо связанные с княжеской политической борьбой⁴⁵, религиозно-нравственным и политическим воспитанием⁴⁶ и проч. Возведя в абсолют эсхатологическую составляющую летописных текстов, исследователь тем самым лишь отдаляется от истины.

Попытаемся решить обозначенную выше проблему. Вопреки мнению Б.Р. Рахимзянова, сетующего на отсутствие альтернативных источников, определенные выводы о шертной практике в русско-казанских отношениях первой трети XVI в. можно сделать на основании привлечения данных Описи Царского архива.

Согласно Описи, в Царском архиве хранилось два интересующих нас комплекса шертных грамот:

1) Ящик 13-й. А в нем грамота шертная Магмед-Аминева царева с великим князем Васильем о Абделитифе царе; и грамота шертная всее земли Казанские⁴⁷.

2) Ящик 15-й. А в нем грамота шертная Шигалея царя; и грамота шертна Сафа-Кирея царя с великим князем Васильем; и грамоты шертные князей и всее земли Казанские; и запись подъятвержденная князей казанских, что присылали бити челом к великому князю Табая князя, и Данчу, и Ибреим Бакшея за свою вину, что нагайским мирзам шертъ дали без великого князя веленья, а привез ее из Казани Ондрей Пильемов⁴⁸.

Применительно к данным комплексам датирующими являются следующие документы:

Грамота шертная Магмед-Аминева царева ... о Абделитифе (ящик 13).	Грамота шертная Шигалея царя (ящик 15).	Грамота шертна Сафа-Кирея царя с великим князем Васильем (ящик 15).
Июнь 1516 г. ⁴⁹	Март 1519 г. ⁵⁰	1529 г. ⁵¹

Как видим, в ящике 13 хранились две шерстные грамоты, составленные в момент тяжелой болезни Мухаммед-Эмина. В ящике 15 — грамоты, связанные с воцарением Шах-Али (1519 г.) и заключением мира с Сафа-Гиреем (1529 г.).

Текст официальной Никоновской летописи донес до нас достаточно подробные условия принесения «шерти» во всех трех вышеозначенных случаях:

1) Договор 1516 г.

«... и князь великий пожаловал бы его (Мухаммед-Амина.— Н. Б.) деля брата его Абдыл-Летифа царя, свою опалу и гнев отдал и из нятства его выпустил, и пожаловал бы его учинил царем в Казани; а **Магмед-Аминь царь да и вся земля Казанская** (здесь и далее выделено мной.— Н. Б.) дадут великому князю правду, какову князь великий похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя и царевича никакова не взяти. Да и записи на том Шаусеин-сеит написал своею рукою, на чем **царю да и всей земли Казаньской дати шерть**»⁵².

Итак, при заключении в 1516 г. соглашения с Москвой шерстные грамоты были выданы от имени хана Мухаммед-Амина и «всей земли Казанской», обязавшейся чтить букву договора и после смерти своего повелителя.

2) Договор 1519 г.

«... И грамоты шерстные великий государь велел написать, каким грамотам межь великого государя и Шигалея царя пригоже быти; а другую запись Шигалей дал на себя великому государю, что ему, будучи в Казани, дела его беречи и неотступну ему быти и со всею Казаньскою землею и до своего живота; да и **шерть на той грамоте Шигалей царь дал** великому государю, да и на записи. А князи казанские, опричь тое шерстные грамоты да и записи, дали на себя иную запись, что им в Казани у Шигалея царя дела великого князя беречи и неотступным им быти от великого государя и со всею Казанскою землею и до своего живота, и их детям, ни царя им, ни царевича без великого государя ведома никакова не взяти; да и **шерть на том великому государю опришнюю дали** за сеита и за князей и за всех людей Казанския земли»⁵³.

Как видим, в данном случае произошли небольшие, но существенные корректировки: в ходе возведения на ханский престол касимовского правителя Шах-Али «шерть» была принесена самим юным

ханом и казанскими «князьями». Причем «князья» давали «шерть» как за себя, так и за «всю землю Казанскую».

3) Договор 1529 г.

«... [казанские послы] били челом великому князю о том: в которых делех царь перед великим князем неправ, и царь в тех делех в всех хочет перед великим князем исправитися и правду дати, и послов своих болиших к великому князю посылает. А князь великий казаньских послов отпустил, и **царь и вся земля Казаньская** перед великого князя послом перед Ондреем перед Пильемовым и правду дали на шертной записи»⁵⁴.

Здесь мы видим ту же ситуацию, что и в 1516 г.: шертные грамоты дали признанный Москвой хан Сафа-Гирей и «вся земля Казанская».

Привлекая приведенные выше данные Описи Царского архива, можно убедиться, что они полностью подтверждают сообщения официального московского летописания:

год	Никоновская летопись	Опись Царского архива
1516	Приведены к «шерти» хан Мухаммед-Амин и «вся земля Казанская»	Грамота шертная хана Мухаммед-Амина и «всей земли Казанской»
1519	... хан Шах-Али и «князья» за себя и «всю землю Казанскую»	... хана Шах-Али, «князей» и «всей земли Казанской»
1529	... хан Сафа-Гирей и «вся земля Казанская»	... хана Сафы-Гирея и «всей земли Казанской»

Итак, несложно заметить, что ни до, ни после 1519 г. «казанские князи» не фигурируют в текстах шертных грамот как особый субъект права. Действительно, высшая казанская аристократия всегда выступала в качестве составной части коллективной политической силы — «всей земли Казанской», представлявшей собой подобие монгольского курултая⁵⁵. Всегда... кроме весны 1519 г.! Как уже было сказано, со смертью Мухаммед-Амина вся полнота власти перешла в руки аристократического «временного правительства», главной целью которого было ведение переговоров с Москвой о присылке в Казань нового хана. Заклячая шертное соглашение с Казанью, Василий III должен был позаботиться о приведении к «шерти» всех значимых политических игроков Казанского юрта. На момент составления шертных грамот (1 марта) Шах-Али был лишь провозглашен ханом в Москве, столице чужого для татар государства. Реальная, легитимная власть вплоть

до прибытия Шах-Али в Казань находилась в руках «временного правительства». Именно поэтому московским политикам и потребовалось наравне со «*всей землей Казанской*» приводить к «*шерти*» также казанских «*князей*», временно вставших во главе политической системы поволжского юрта.

Условия шертных грамот вовсе не являлись беспрецедентными. Согласно летописным данным, казанские «*князья*» вместе со «*всей землей Казанской*» обязались оберегать интересы Москвы, не нарушать союзный договор (именно так следует понимать выражение «*неотступным им быти от великого государя*») и не выбирать нового хана без санкции великого князя Московского⁵⁶. Перечисленные условия полностью соответствуют стандартным положениям договоров, регулировавших отношения Москвы и Казани в 1487–1521 гг.⁵⁷

Шертные грамоты весны 1519 г. должны были выступать в качестве гаранта сохранения русско-казанского союза в условиях смены ханской династии. А потому к «*шерти*» были приведены все значимые политические силы Казанского юрта: новый правитель Шах-Али, временное аристократическое правительство и «*вся земля Казанская*».

Как показало время, казанская элита вовсе не собиралась идти на поводу у московских политиков, бесконечно «*прямить*» Василию III, в ущерб для себя выполняя навязанные Москвой условия.

Ставленник Москвы: Шах-Али в Казани (1519–1521 гг.)

Факт вступления на казанский престол 13-летнего юноши неизбежно ставит перед исследователем эпохи вопрос: в чьих же руках находилась реальная власть в годы первого правления Шах-Али? В отечественной историографии широкое распространение получила версия о «русском засилье» при ханском дворе⁵⁸. Выдающийся исследователь М. Г. Худяков прямо писал о том, что реальная власть сосредоточилась в руках русского посла Ф. А. Карпова, «*который считал необходимым вмешиваться во все дела*»⁵⁹.

По-иному интерпретировал расстановку политических сил в Казани Б. Р. Рахимзянов. По мнению исследователя, после воцарения Шах-Али властные рычаги оказались в руках представителей промосковской группировки казанской знати. «*Допустить мысль*, — пишет

Б. Р. Рахимзянов, — *что абсолютно чужим государством, исповедующим другую веру, управлял один русский посол, не очень-то знакомый с местной спецификой политической жизни, в то время как в этом государстве присутствовала своя знать, жаждущая власти и ради этого идущая даже на сговор с не очень-то дружественным московским великим князем, я считаю нелогичным*». Именно столкновение враждебно настроенных друг против друга «московской» и «крымской» феодальных группировок, как считает историк, и стало причиной последующего государственного переворота, осуществленного доброхотами Сахиб-Гирея⁶⁰.

Оставим рассуждения о «сговоре» казанских феодалов на совести Б. Р. Рахимзянова и обратимся к фактам.

Первые в отечественной историографии предположения о существовании в Казанском юрте «геополитических группировок» знати были выдвинуты в 70-х гг. XIX в. в работе Г. И. Петряковича, посвященной истории средневекового Поволжья. Из среды казанских феодалов исследователь выделил четыре партии, ориентированные соответственно на Москву, Крым, Ногайскую орду и сибирских Чингисидов (шибанская партия). Их оформление Г. И. Петрякович в целом датировал последними годами XV в.⁶¹ Дальнейшее развитие «партийная» концепция получила в монографии М. Г. Худякова, усмотревшего начало раскола казанской элиты в событиях 1460–1480-х гг.⁶² В последующее время феномен борьбы «восточной» («крымской») и «московской» партий при ханском дворе (в т. ч. и в ключе переворота 1521 г.) рассматривался в работах С. Ф. Платонова⁶³, И. И. Смирнова⁶⁴, С. О. Шмидта⁶⁵, А. А. Зимина⁶⁶, С. Х. Алишева⁶⁷, А. Б. Кузнецова⁶⁸, В. В. Трепавлова⁶⁹, М. С. Мейера⁷⁰, А. И. Филюшкина⁷¹, М. В. Моисеева⁷² и др.

Так в какой же мере представления о борьбе «крымской» и «московской» партий при казанском дворе в изучаемый нами период соответствовали действительности и соответствовали ли вообще? Для того, чтобы ответить на этот непростой вопрос, внимательно рассмотрим летописные свидетельства об изгнании Шах-Али с ханского престола весной 1521 г.

По сообщению Никоновской летописи, *«казанстии сеити и уланы и князи великому князю Василью своя клятвы правду изменили, взяли себе ис Крыму царевича Сап-Гирея царем в Казань, а Шигалея царя*

и с царицею выслали ис Казани, а великого князя гостей переграбив, у себя держали»⁷³. Сходным образом представлены события в Софийской 2-й⁷⁴, Воскресенской⁷⁵, Львовской⁷⁶, Ермолинской⁷⁷, Вологодско-Пермской⁷⁸ летописях, Постниковском летописце⁷⁹, продолжении Хронографа редакции 1512 г.⁸⁰ Составитель Владимирского летописца писал: «Того же лета выбежал ис Казани Шигалеи с царицею, а в Казани стали на него князи коромолники, а в Казань привели к себе ино-го царя ис Криму»⁸¹. Типографская летопись в числе «коромолников» помимо казанской аристократии называет также «всю землю Казанскую»: «казанский сегит и вси князи казанския и татарове и мордва и черемиса и чюваш[и] и вси люди Казанския земли изменили великому князю...»⁸². Обвинение «всей земли Казанской» содержится также на страницах Пафнютьевского летописца⁸³.

Следует обратить внимание на тот факт, что летописные известия не упоминают о какой-либо борьбе придворных партий, выставяя «казанских князей» коллективным зачинщиком дворцового переворота. Казанский летописец также вполне определенно говорит о том, что «начаша его (Шах-Али.— Н.Б.) все казанцы не любити, и отаи его совещаи(а)ся, и послаша неких, Мендигирею, и оттуду приведоша царя себе, отпросивше у него сына меньшаго, именем Сапкирея»⁸⁴. Любопытно, что в другом списке Казанского летописца круг недовольных правлением Шах-Али очерчен более определенно: «И возненавидеша его все казанцы, велможи и прости, и втаи от него совещаишеся, и пославше неких своих в Крым ко царю Мендигирею»⁸⁵.

Итак, перед нами ни что иное, как свидетельство тайного совещания «всей земли Казанской» — курултая, выражавшего интересы всех консолидировавшихся слоев населения Казанского юрта. Едва ли успешное функционирование курултая было возможно в условиях жестокого противостояния враждебных «партий».

Невозможно пройти и мимо сообщения С. Герберштейна, подчеркнувшего, что против Шах-Али были настроены решительно все жители Казани, пожелавшие заменить неугодного хана родственником крымского властителя⁸⁶.

Существенным аргументом против существования в 1521 г. «крымской» и «московской» группировок казанских феодалов является тот факт, что переворот, приведший к власти Сахиб-Гирея,

не сопровождался репрессиями в отношении видных деятелей проигравшей партии. Заметим, что последующие перевороты 30–40-х гг. XVI столетия также не были омрачены «избиением князей», и лишь после прихода к власти узурпатора Сафы-Гирея летом 1546 г. в Казани развернулся широкомасштабный террор, а многочисленные промосковски настроенные «князи» бежали ко двору русского монарха⁸⁷. Автору данных строк представляется верной позиция М. В. Моисеева, в недавней своей работе датировавшего окончательный раскол казанской знати на два враждебных лагеря, приведший в итоге к формированию собственно «крымской» и «московской» партий, периодом 1545–1549 гг.⁸⁸

Таким образом, у нас нет ровным счетом никаких оснований говорить о напряженной борьбе враждебных промосковской и прокрымской группировок казанских феодалов весной 1521 г. Принимая решение об изгнании Шах-Али и приглашении на ханский трон крымского царевича Сахиб-Гирея, татарская элита действовала сообща. Созванный в тайне от юного хана и русского руководства курултай, действуя в рамках давней традиции, решил судьбу престола, основываясь исключительно на интересах *«всей земли Казанской»*. Именно единством казанской аристократии, сплотившейся перед лицом враждебного русского влияния, объясняется та потрясающая легкость, с которой ей удалось осуществить дворцовый переворот.

Весной 1521 г. недовольство русским ставленником в столице Казанского юрта достигло предела. Как у татарской элиты, так и у рядовых жителей Казани были все причины желать свержения Шах-Али. Несмотря на тенденциозность изложения, Казанский летописец, думается, довольно точно передал основную причину негодования казанской знати. Представители татарской аристократии якобы неоднократно склоняли Шах-Али к измене великому князю Василию III, говоря при этом: *«Да владеши ты один Казанию всею и нам ты будеши един волны царь; а нам бо не введуще, коему служити и бояться коего царя, и слушати, и покорятися; два царя бо имущи, не ведаем, от коего искати чести и даров восприяти, и управления в людех, дабы единого возлюбили всем сердцем, а другаго же возненавидети»*⁸⁹.

Претензии казанской знати, хлопотавшей о благе своего государства (и о своих собственных корпоративных интересах), понятны:

нахождение на ханском престоле слуги московского властителя придавало сложившейся политической ситуации известную двусмысленность. Прямая зависимость от Москвы, несомненно, тяготила феодальную верхушку. Тем более, что обстановка в Казани живо напоминала оккупацию: для обеспечения безопасности Шах-Али в город был введен русский отряд под командованием воеводы В. Ю. Поджогина⁹⁰, а на ханском дворе разместились личная гвардия — преданные казанскому «царю» касимовские татары⁹¹. Принимая во внимание всеобщее возмущение «князей» прорусской позицией Шах-Али, можно предположить, что состоявший при хане русский посол Ф. А. Карпов оказывал значительное влияние на политические дела. Кроме того, Шах-Али прибыл в Казань «с князи и мурзами своими»⁹², которые, судя по всему, и составили его ближайшее окружение, оттеснив местную элиту от основных рычагов управления государством. Недаром С. Герберштейн отмечал, что Шах-Али «доверял иноземцам больше, чем своим»⁹³. Автор Пафнутьевского летописца также заметил, что хан возбудил против себя ненависть тем, что «начат жити по приказу государьскому»⁹⁴. Опираясь на вооруженные московские отряды и касимовскую знать, прислушиваясь к советам посла Карпова, Шах-Али мог проводить угодную Москве политическую линию, совершенно не считаясь с казанскими феодалами, а, следовательно, и со «всей землей Казанской».

Все попытки склонить юного Шах-Али к измене великому князю не имели положительного результата. Направляемый касимовской знатью и вездесущим послом Карповым, хан отдал приказ об аресте и казни наиболее активных «крамольников» из среды высшей казанской аристократии⁹⁵.

Не способствовала популярности Шах-Али и его специфическая внешность. Вот какие воспоминания оставил о касимовском правителе С. Герберштейн: «У него было огромное брюхо, редкая борода и женоподобное лицо — свидетельство того, что он совершенно не способен воевать»⁹⁶. В своем фундаментальном исследовании, посвященном истории Касимовского ханства, В. В. Вельяминов-Зернов приводит свидетельство т. н. «Подробного летописца», на первый взгляд полностью подтверждающее нелицеприятное описание Шах-Али, приведенное австрийским дипломатом⁹⁷. Впоследствии на свидетельство

«Подробного летописца» ссылался также М. Г. Худяков, приведя в своей монографии чрезвычайно отталкивающий словесный портрет «неповоротливого увальня и урода»⁹⁸.

Здесь, справедливости ради, необходимо сделать важную ремарку. Приняв на веру сведения «Подробного летописца», ни В. В. Вельяминов-Зернов, ни М. Г. Худяков не обратили внимание на происхождение данного «исторического источника». Обнаруженная в 1790 г. Н. А. Львовым и изданная им же восемь лет спустя «Подробная русская летопись», по мнению известного русского историка втор. пол. XVIII столетия И. Н. Болтина, на деле являлась... историческим трактатом митрополита Феофана Прокоповича⁹⁹! Принимая во внимание факт использования Прокоповичем в своих изысканиях сочинения С. Герберштейна¹⁰⁰, происхождение свидетельства «Подробного летописца» становится очевидным.

Если все же, несмотря на отсутствие альтернативных источников, предположить, что портрет Шах-Али в изложении Герберштейна в общих чертах соответствовал действительности, стоит признать, что барон верно уловил существенность данного недостатка в глазах казанской военной аристократии. Подобный образ ни в коей мере не укладывался в средневековые представления о хане как боевом предводителе татарского войска.

В любом случае, личность касимовского правителя вызывала у казанцев определенное предубеждение. Так, ведя в мае 1532 г. переговоры с Василием III о присылке в Казань нового хана, татарские послы без всяких объяснений наотрез отказались принять кандидатуру Шах-Али, испросив на «царство» его младшего брата Джан-Али Шейх-Аулияровича¹⁰¹.

Перечисленные выше причины в комплексе подготовили идеальную почву для заговора. В конце апреля — начале мая 1521 г. после прибытия казанского посольства Сахиб-Гирей в сопровождении 300 всадников выступил из Крыма¹⁰².

Подойдя к Казани, немногочисленный отряд Сахиб-Гирея беспрепятственно вошел в город, где, поддержанный боевыми формированиями казанских аристократов, немедленно приступил к избиению не успевших опомниться сторонников Шах-Али. Весь русский гарнизон был перебит, та же участь ожидала и значительную часть служилых

татар (Казанский летописец сообщает о том, что погибло 1 тыс. русских и 5 тыс. татар, однако это очевидное преувеличение). Дом ненавистного посла Карпова был разграблен, сам же незадачливый дипломат чудом смог покинуть объятый резней город¹⁰³. Ограблению подверглись и лавки находившихся в Казани русских купцов, взятых новым «патриотическим» правительством в заложники¹⁰⁴. Судьба их была трагична: весной 1523 г. в момент чрезвычайного обострения отношений между Москвой и Казанью хан Сахиб-Гирей «в Казани много зла христианству навел и кровь пролия, яко воду», приказав умертвить русского посла и «удержанных» в городе «торговых людей»¹⁰⁵.

Интересно, что свергнутому Шах-Али вместе с женой¹⁰⁶ и дипломатом Карповым в сопровождении 300 служилых татар удалось благополучно покинуть столицу юрта. Владимирский летописец кратко сообщает о бегстве Шах-Али из Казани¹⁰⁷. Сведения о ночном бегстве хана содержит также Пафнютьевский летописец¹⁰⁸. По свидетельству Казанского летописца, Сахиб-Гирей удалось уговорить восставших «князей» пощадить хана «царского ради семени и юности ради, и благородства, еже в нем велик разум»¹⁰⁹. Подобное человеколюбие, однако же, едва ли было присуще крымскому царевичу, всеми силами должному стремиться уничтожить неудачливого противника. Иная трактовка событий содержится в других русских летописях: Шах-Али был выслан из города решением свергших его казанских феодалов¹¹⁰. Осведомленный Герберштейн также утверждал, что Шах-Али «велели оставить престол», и он «счел за лучшее покориться судьбе»¹¹¹. Сведения о «высылке» Шах-Али казанцами обнаруживаются и в описи Царского архива¹¹². Данная версия кажется весьма правдоподобной. Действительно, прибывший в город по приглашению «всей земли Казанской» Сахиб-Гирей попросту не имел права решать участь смещенного хана. Жизнь Шах-Али всецело находилась в руках организаторов переворота, которые, очевидно, испугавшись перспективы начала новой войны с могущественным московским государем, решили отпустить «служилого царя» и посла Карпова. Подобное объяснение подтверждается уникальным свидетельством Пафнютьевского летописца, сообщавшего, что, едва вступив на ханский престол, Сахиб-Гирей отправил в Москву посольство с изъявлением дружеских намерений («послал бити челом, чтобы [государь] его пожаловал по тому ж, как и прежних царей жаловал»)¹¹³.

Тем не менее, по сообщению Казанского летописца, казанцы не преминули унизить бывшего правителя: *«и проводиша его в поле чистое, нага, во единой ризе, на худе коне»*¹¹⁴. В подобном виде Шах-Али со своей свитой двинулся к Москве. Потеря контроля над Казанью была страшным ударом для Василия III. Однако еще больший удар великий князь испытал несколько месяцев спустя, когда орды крымских татар лавиной обрушились на центральные районы Московского государства.

Цена ошибки: «крымский смерч» 1521 г.

Переворот в Казани существенно изменил расстановку сил в Восточной Европе: теперь обширные пространства Среднего Поволжья находились под контролем крымской династии Гиреев. Невзирая на многочисленные противоречия между Москвой и Крымом¹¹⁵, хан Мухаммед до поры до времени остерегался ввязываться в открытое вооруженное противостояние с государем всея Руси. С изгнанием Шах-Али и установлением союза с Казанью у крымского властителя появился реальный шанс нанести страшный удар по русским землям.

Гроза грянула летом 1521 г. В ночь на 28 июля орда форсировала Оку, истребив не успевшую изготавиться к обороне заставу. В районе Серпухова крымцы стремительно атаковали не ожидавшие столь мощного удара русские полки. Несмотря на масштабные приготовления последних месяцев¹¹⁶, московское военное командование не смогло должным образом организовать оборону. Воеводы И. Шереметев, В.М. Курбский, Я. и Ю. Замятины погибли в неравном бою с противником, едва живой (*«велии стрелян и сечен»*) князь Ф.В. Лопата Оболенский попал в плен¹¹⁷. Прорыв обороны по Оке повлек за собой катастрофические последствия: впервые за время русско-крымского противостояния татары достигли внутренних районов московских владений.

Крымское войско принялось с остервенением разорять рязанские и коломенские земли. Города центральных уездов спешно готовились к обороне, непрошенных гостей ожидали даже на далекой Псковщине. В Москву стекались сотни беженцев из окрестных охваченных огнем селений. Одним из летучих татарских отрядов был сожжен древний, основанный еще Дмитрием Донским, Николо-Угрешский монастырь. Не успевшие спастись за городскими стенами

предавались смерти или угонялись в плен на невольничьи рынки Крыма и Астрахани¹¹⁸.

По традиции, на следующий день после вторжения орды великий князь вместе с братьями Юрием и Андреем покинул изготовившуюся к обороне столицу и направился в Волоколамск¹¹⁹. Из села Микулинского не на шутку обеспокоенный Василий III направил гонца стоявшим с полками у Серпухова Д. Ф. Бельскому, В. В. Шуйскому и И. М. Воротынскому, *«повеле им противу царя ити»*. Однако потерявшиеся воеводы не тронулись с места, беспомощно взирая на бесчинства *«безбожных»* татар¹²⁰.

Тем временем крымцы практически вплотную подошли к Москве, грабя городские окрестности. Любимое Василием III великокняжеское село Остров было обращено в пепел воинами ханского сына Багатыр-Салтана, татары хозяйничали в Коломенском, отдельные лихие отряды достигли даже села Воробьево (располагавшегося всего в 7 километрах от Кремля), где *«мед на погребех великого князя пили»*¹²¹. По свидетельствам официальных летописцев, крымцы пытались, хотя и безуспешно, поджечь московский посад¹²². Сам Мухаммед-Гирей, очевидно, не ожидавший столь незначительного сопротивления московских полков, на протяжении 10 дней стоял лагерем на почтительном расстоянии от русской столицы, между реками Северкой и Лопастней¹²³.

Пока расположившиеся по берегу Оки государевы воеводы, игнорируя приказ Василия III, не предпринимали никаких действий против крымских войск, в Волоколамск прибыл князь М. В. Горбатый с псковской и новгородской ратями. Опасаясь окружения, Мухаммед-Гирей спешно принял решение об отступлении¹²⁴. Потерпев неудачу под Рязанью, на обратном пути осажденной основными силами крымской орды, хан ушел в степи¹²⁵. 24 августа¹²⁶ (по другим данным — 20 августа¹²⁷), когда опасность окончательно миновала, Василий III вернулся в Москву.

«Крымский смерч» оставил по себе страшную память: окрестности Москвы, Рязани и Коломны оказались опустошены. *«Царь ... много монастырев пожар и сел, и много посече и поплени ... и много зла учинил»* — с горечью констатирует анонимный автор Владимирского летописца¹²⁸. С собой татары увели огромный полон, поразивший своим числом воображение современников. Дипломат Герберштейн называл фантастическую цифру в 800 тыс. человек¹²⁹, о 300 тысячах

«вязнев» сообщает поздний Острожский летописец¹³⁰, составитель Новгородской 2-й летописи ограничился туманным замечанием, что пленных «*взяли бес числа множество*»¹³¹.

Такова была цена политического просчета московских властителей, не сумевших удержать под своим контролем ханский престол на Средней Волге. Объединение Крыма и Казани под властью Гиреев ставило Москву на грань геополитической катастрофы. Сахиб-Гирей, еще недавно уверявший великого князя в своей дружбе, на деле отнюдь не выказывал мирных намерений: во время набега крымцев казанский хан «*со всеми казаньскими людьми [при]ходил на Муромские места и на [Ме]щерские*»¹³², а 21 августа казанские «*князи*» совершили нападение на окрестности Нижнего Новгорода («*в Борзополье и до Клина*»), захватив значительный полон¹³³.

Василий III со всей очевидностью понимал, что к власти в Казани необходимо вновь привести во всем послушную Москве касимовскую династию. Для похода на «*крамольных*» татар нужен был лишь удобный случай. И таковой не замедлил представиться.

Во главе государевой рати: поход 1523 г.

Противостояние Москвы и Казани постепенно нарастало: по сообщению краткого Галичского летописца, в сентябре следующего 1522 г. татары совершили незначительный по своим масштабам набег на Галичскую волость¹³⁴. Весной 1523 г. в Москве неожиданно стало известно о трагической судьбе посла В.Ю. Поджогина и русских купцов, казненных по приказу казанского хана Сахиб-Гирея¹³⁵. Большая война с Казанью отныне стала неизбежной.

После страшного крымского набега 1521 г. Василий III в течение трех лет готовил дипломатическую почву для войны с Сахиб-Гиреем: были заключены перемирия с Ливонским орденом и Литвой, в благожелательном ключе велись переговоры с Османской Портой¹³⁶. В мае 1523 г. в Москве стало известно о том, что при попытке захвата Астрахани в бою с ногайцами погибли крымский хан Мухаммед-Гирей и его сын Багатыр-Салтан¹³⁷. Не оправившийся от катастрофы Крым теперь едва ли мог оказать помощь своему казанскому союзнику. Упустить подобный шанс было не в правилах Василия III; русские полки стали готовиться к походу на Восток.

28 июля государь всяя Руси в сопровождении братьев выступил из Москвы «к Переславлю, да от[т]оле к Юрьеву, а из Юрьева к Суздалю да к Володимеру». Пробыв две недели во Владимире, Василий III отправился в Нижний Новгород, где в то время уже собирались войска¹³⁸.

23 августа великий князь прибыл в Нижний Новгород¹³⁹, а четыре дня спустя русская армия выступила по направлению к Казани¹⁴⁰. Основные силы под номинальным командованием Шах-Али погрузились на суда и начали движение вниз по течению р. Волги, берегом их сопровождала многочисленная конная рать¹⁴¹.

В исследовательской литературе нет единого мнения по поводу целей летне-осеннего похода 1523 г. В.В. Вельяминов-Зернов считал акцию московского правительства не более чем набегом с целью основательно разорить территорию вражеского юрта¹⁴². М.Г. Худяков пришел к заключению, что русское войско «не решилось дойти до Казани и ограничилось лишь набегом на черемисские и чувашские земли»¹⁴³. Той же позиции придерживался В.В. Похлебкин¹⁴⁴, а также Д.М. Исхаков, по какому-то недоразумению «записавший» в разряд набегов и летнюю кампанию 1524 г.¹⁴⁵ По мнению А.А. Зимина, поход «носил характер пробы сил»¹⁴⁶. К «демонстрационному характеру» операции склонялся А.Г. Бахтин¹⁴⁷. Однако же автору данных строк представляется, что действия государевых воевод определялись куда более далеко идущим стратегическим замыслом. Как бы ни были скудны летописные известия, они вполне позволяют реконструировать события похода лета 1523 г.

Как уже говорилось, московское войско было разделено на две части: судовая рать под командованием В.В. Шуйского и А.В. Сабурова должна была идти вниз по Волге «воевать» казанские земли. Посуху к Казани направились конные полки во главе с князем А.Б. Горбатым¹⁴⁸. Обе рати, формально возглавляемые 17-летним Шах-Али, получили приказ «воевати и пленити Казанские места по луговой стороне и по горнеи»¹⁴⁹. Повеление государя было в точности исполнено: летописец сообщает, что «воеводы Казанские места плениша, възвратиися здрави, мног плен с собою приведоша»¹⁵⁰. По пути к Казани воеводам удалось привести к «иерти» значительное число селений мордвы и черемисы¹⁵¹. Очевидно, этому способствовало

Moscovita habitu militari.

Tartarus gentili more armatus

Русский и татарский воины

Позднесредневековая гравюра в книге С. Герберштейна «Записки о Московии»

наличие в рядах войска бывшего казанского хана. Фигура Шах-Али теперь становилась центром притяжения для лиц, недовольных правлением Сахиб-Гирея. У жителей же Горной стороны, в период русско-казанской борьбы находившихся между молотом и наковальней, были все причины желать воцарения московского ставленника, способного самым фактом своего восшествия на престол завершить войну с Москвой, принести в черемисские края долгожданный мир.

Конная и судовая рати «воевали» казанские земли вплоть до устья р. Цивиль (район совр. Чебоксар)¹⁵², не встречая на своем пути никакого сопротивления. Уникальное сообщение Постниковского леописца¹⁵³ позволяет ряду исследователей говорить о сражении, произошедшем между конным войском князя Горбатого и татарскими отрядами близ свияжского устья, завершившемся победой русских полков¹⁵⁴. Однако в данном случае налицо ошибка составителя летописи, неосмотрительно дублировавшего события большого похода 1524 г. (подробнее о которых будет сказано ниже).

Внимательное рассмотрение обстоятельств кампании 1523 г. показывает, что масштабная экспедиция Шах-Али в действительности была не более чем отвлекающим маневром русского командования¹⁵⁵.

Пока войска под руководством Шах-Али разоряли Казанский край, из Нижнего Новгорода к устью р. Суры направился отряд М. Ю. Захарьина¹⁵⁶. Под его началом на «*казанской стороне*» Суры 1 сентября¹⁵⁷ (по другим данным — в последние дни августа¹⁵⁸) началось строительство деревянного укрепленного пункта, получившего название Васильгород (позднее переименованного в Васильсурск). Действия Шах-Али, таким образом, должны были прикрывать фортификационные работы, не давая казанцам возможности атаковать уязвимый лагерь Захарьина¹⁵⁹. Можно предположить, что стены крепости были возведены в течение месяца — именно столько времени весной 1551 г. потребовалось ученому дьяку Выродкову для строительства Свияжского городка¹⁶⁰.

Победа была за московским государем. Сахиб-Гирей не смог помешать основанию на территории ханства вражеской крепости. Ответного удара не последовало — в октябре татары организовали лишь весьма скромный карательный набег на галичский посад¹⁶¹. Казалось, силы Казанского юрта были уже на исходе.

Вид на городище Цепель и поселок Васильсурск

Вероятно, именно на нагорном городище располагалась деревянная крепость XVI ст.

Задачи, поставленные перед Шах-Али и сопровождавшими его воеводами, были блестяще выполнены. Основание Васильсурска, во многом предвосхитившее «Свияжскую эпопею» 1551 г., имело далеко идущие последствия. Теперь в распоряжении Василия III был надежный плацдарм для дальнейшего наступления на Казань — недаром горячий сторонник великокняжеской политики митрополит Даниил в частной беседе с Берсением Беклемишевым подчеркнул, что «тем деи городом [государь] всю землю Казанскую возмет»¹⁶². Новый поход русской армии, запланированный на следующий 1524 г., должен был решить судьбу Казанского юрта.

Воздаяние: поход 1524 г.

Зима 1524 г. выдалась весьма морозной — снежный покров держался вплоть до Троицына дня¹⁶³, в связи с чем выступление русского войска состоялось несколько позднее намеченного срока. 12 мая к Казани отправилась судовая рать во главе с Шах-Али и воеводой И. Ф. Бельским, неделю спустя, на Троицын день, в поход под началом И. В. Хабар выступила конница¹⁶⁴. Источники единодушно говорят о многочисленности московских полков, насчитывавших якобы до 150–180 тыс. воинов¹⁶⁵. Несмотря на чрезмерное преувеличение летописцев, приходится признать, что для борьбы с Сахиб-Гиреем весной 1524 г. были стянуты едва ли не все свободные силы Московского государства — так, в походе приняла участие даже знаменитая «кованая рать» — многочисленное конное ополчение новгородских дворян¹⁶⁶.

Узнав о подготовке большого похода, Сахиб-Гирей, за полгода до того безуспешно умолявший крымского хана прислать ему «пушек, и пищалей, и янычар»¹⁶⁷, осознав гибельность своего положения, «с великим срамом» бежал из города¹⁶⁸. Дальнейшие события получили достаточно однозначную трактовку в отечественной историографии: перед отъездом Сахиб-Гирей оставил на казанском престоле своего 13-летнего племянника Сафа-Гирея, специально для того вызванного из Крыма¹⁶⁹. В последнее время более взвешенную позицию занял Д. А. Котляров, посчитавший, что передача ханского трона Сафе произошла по соглашению с жителями Казани¹⁷⁰. И все же сам факт передачи власти Сахиб-Гиреем вызывает сомнение. По сообщению русских летописей, уже после бегства Сахиб-Гирея «казанцы взяша царем в Казань Сафа-Кирея царя»¹⁷¹. Подобная трактовка встречается и в Разрядной книге 1475–1605 гг.: «И козанской царь, уведов великого князя воевод, ис Козани побегал, а козанцы взяша на царство крымского царевича Сава Гирея»¹⁷². Едва ли казанская знать согласилась бы отпустить Сахиб-Гирея, заменив его совсем еще юным Сафой накануне решающего столкновения с многочисленными московскими ратями. Очевидно, после внезапного бегства Сахиб-Гирея на совещании «всей земли Казанской» было принято решение испросить нового правителя у крымского хана Саадата. Таковым в итоге и стал ставленник Крыма Сафа-Гирей¹⁷³.

Реконструкция событий похода 1524 г. весьма затруднена в силу значительных фактологических расхождений источников. Фактически

в распоряжении историка находятся три версии событий: «упрощенная» официальная версия, изложенная в большинстве русских летописей, сведения Казанского летописца и, наконец, пространный рассказ барона Герберштейна. Опираясь на все три версии, попытаемся восстановить ход событий летнего похода с максимально возможной точностью.

24 июля (по другим сведениям — 28 июля¹⁷⁴) конные полки И. В. Хабара в бою на Итякове поле близ устья р. Свияги разбили объединенное татарско-черемисское войско, захватив при этом значительное число пленников¹⁷⁵. Сражение было весьма упорным и кровопролитным, косвенным свидетельством чего является синодик кон. XVII в., перечисляющий имена погибших в бою русских феодалов. Так, число *«избиенных на Свиязе»* детей боярских, упомянутых в синодике, более чем в два раза превышает число сложивших свои головы при последующей осаде Казани¹⁷⁶. О тяжелых потерях как с той, так и с другой стороны сообщает и осведомленный С. Герберштейн¹⁷⁷.

Если верить Герберштейну, еще 7 июля судовая рать Шах-Али достигла окрестностей Казани. 28 июля, так и не дождавшись подхода задержавшейся в пути конницы, Шах-Али с войском перешел на «казанскую» сторону Волги, расположившись у места впадения в нее р. Казанки¹⁷⁸.

По сообщению все того же Герберштейна, из Нижнего Новгорода на соединение с Шах-Али по приказу Василия III была послана флотилия И. Ф. Палецкого, задачей которого было доставить в войско продовольствие *«и узнав истинное положение дел, поскорее вернуться»* с докладом к великому князю¹⁷⁹. Стоит сказать, что едва ли Палецкий являлся «импровизированным посланником» государя, каковым его изображает австрийский дипломат. Представляется, что миссия Палецкого была изначальной частью плана: огромному войску предстояла длительная осада, и в этом случае подвоз продовольствия становился жизненно необходимым.

О дальнейших трагических событиях, едва не стоивших русскому командованию сорванной кампании, официальное летописание умалчивает. Рассказ же Герберштейна находит подтверждение в Казанском летописце, сохранившем на своих страницах отголоски трагических июльских событий...

Ранним утром, когда на реку спустился густой туман, черемисы, предварительно устроившие засаду «в местех островных», неожиданно напали на суда Палецкого. Красочное летописное повествование сообщает, что нападавшие, предварительно запрудив узкие речные протоки, *«подсецаху великое древие, дубие, осокорие, и держажу на ужищах, и на лодия пущаху с великих гор и з берегов и уду же миновати; и погружатися от единого лодием 5 и боле»*. Застигнутые врасплох ратники не смогли оказать должного сопротивления, а сам воевода бросил флот на произвол судьбы и с немногими людьми смог прорваться к лагерю Шах-Али¹⁸⁰. Невозможно ручаться за верность сведений о трусливом поведении князя Палецкого, ясно лишь одно — нападение на суда, произошедшее в промежутке между 7 и 24 июля, действительно имело место. Ущерб был весьма велик, и о длительной осаде Казани можно было забыть. Впрочем, это обстоятельство не заставило государевых воевод изменить разработанный в Москве план.

В начале августа конная рать И. В. Хабарова соединилась с судовой ратью под Казанью. Шах-Али с полками стоял под городом уже месяц, не предпринимая никаких активных действий. 15 августа началась осада казанской крепости¹⁸¹. Значительные татарские силы расположились вне города в специально построенном укрепленном лагере и периодически тревожили осаждающих стремительными кавалерийскими набегами, неся при этом чувствительные потери¹⁸². В это время русская артиллерия под началом М. Ю. Захарьина¹⁸³ довольно успешно производила массированный обстрел Казани и *«во граде могих людей побиша»*¹⁸⁴. Татары мужественно оборонялись, *«также стреляя во врага из пушек»*¹⁸⁵.

И все же недостаток провизии не замедлил сказаться на ходе осады. В армии начинался голод, дальнейшее промедление могло привести к катастрофе. Первый воевода большого полка И. Ф. Бельский вступил в переговоры с руководителями обороны, надеясь добиться отправки в Москву посольства *«всей земли Казанской»* для переговоров с Василием III. По словам Герберштейна, Бельский (в тексте ошибочно — Палецкий) *«полагал, что при таком недостатке припасов соблюдет выгоду своего государя, если заключит с врагом любое перемирие и приведет назад в сохранности войско и орудия»*¹⁸⁶. Герберштейн всецело приписывает инициативу переговоров И. Ф. Бельско-

му, пытавшемуся таким образом спасти армию. Однако сообщение Типографской летописи позволяет предположить, что возможность переговоров с казанцами была заранее обговорена на совещании в Москве — Бельский *«по великого князя наказу под Казанью с царем казанским и с князми и со всеми казанци мир вечный взял»*¹⁸⁷. Такой вариант представляется вполне возможным — едва ли такой опытный политик как Василий III был безусловно уверен в том, что воеводам удастся взять Казань штурмом.

Однако до заключения «вечного мира» было еще далеко.

Практически все русские летописи, а также Разрядная книга 1475–1605 гг.¹⁸⁸ утверждают, что по итогам переговоров с князем Бельским, татарская элита дала шертную грамоту *«на всей воли государя великого князя»*¹⁸⁹, *«на всеи воле государьскои, и служити им прямо государю и неотступным быти»*¹⁹⁰, *«еже быти им во всей воли государя великого князя»*¹⁹¹, *«в воле положили в великого князя, как царя и всех людей Казаньского царства пожалует»*¹⁹². Как можно заключить, уже на ранней стадии переговоров казанцы обязались вверить судьбу ханского престола государю всея Руси.

Осенью того же года в Москву явилась казанская делегация во главе с уланом (огланом) Аппаем и князем Бахты-Кильдеем. В соответствии с ранними договоренностями, посланцы *«всей земли Казанской» «биша челом ... за свою вину и о цари Сафа-Киреи»*. Василий III полностью удовлетворил просьбы челобитчиков, отправив в Казань посла В. Д. Пенкова и дьяка А. Ф. Курицына¹⁹³.

Итак, Василий III не пожелал навязывать казанским князьям кандидатуру своего ставленника Шах-Али, великодушно оставив престол представителю враждебной России крымской династии — юному Сафа-Гирею. Однако действия великого князя определялись вовсе не великодушием, а трезвым политическим расчетом.

В свое время С. М. Соловьев подвел неутешительный итог результатам кампании 1524 г.: *«Василий III согласился на их (казанцев. — Н. Б.) просьбу, но против воли: не для того посылал он такую многочисленную рать против казанцев, чтобы оставить у них царем Гирея; поход не удался, не оправдал ожиданий»*¹⁹⁴. Позднее данная оценка получила всестороннюю поддержку в исследовании М. Г. Худякова¹⁹⁵. И. И. Смирнов также отдал дань подобной трактовке событий 1524 г., отметив,

что грандиозный поход не принес с собой ни взятия Казани, ни смены хана¹⁹⁶. «Неудачным» назвал военное предприятие А. А. Зимин¹⁹⁷. Следуя выводам М. Г. Худякова, В. В. Похлебкин вынужден был констатировать: *«Поход в целом полностью провалился. Василию пришлось ... подчиниться татарским требованиям»*¹⁹⁸. О неудачном завершении войны 1521–1524 гг. писал и С. Х. Алишев¹⁹⁹. А. Б. Кузнецов пришел к выводу, что в ходе кампании не была достигнута основная цель великого князя: изгнание из Казани представителя крымской династии, а потому сам поход также объявлялся исследователем неудачным²⁰⁰. Полностью согласился с мнением А. Б. Кузнецова в своей новейшей работе В. А. Волков²⁰¹. Наиболее резкую позицию в этом вопросе занял А. Г. Бахтин, усмотревший в договоре 1524 г. поражение Москвы и русского правительства²⁰².

Однако можно ли говорить о неудаче московских политиков и воевод? Несомненно, главной целью похода 1524 г. являлось смещение опасного для Москвы Сахиб-Гирея и его замена полностью покорным Василию III Шах-Али. Однако политическая ситуация в Казани стремительно менялась: бегство Сахиб-Гирея (со всей его крымской гвардией) передавало реальную власть в руки высшей казанской аристократии. Влияние Гиреев при ханском дворе сошло на нет — 13-летний Сафа-Гирей не мог самостоятельно принимать политические решения, а действовавшая в интересах *«всей земли Казанской»* татарская знать не была более заинтересована в борьбе против Московского государства. Казанская армия понесла ощутимые потери, Крым не спешил на помощь своему союзнику... Казань отчаянно нуждалась в мире с Москвой. Василий III прекрасно понимал, что возведение на ханский престол Шах-Али вопреки желанию татарских феодалов может только осложнить отношения с Казанским юртом. Падение крымского влияния и приход к власти аристократического правительства, жаждавшего наладить доброжелательный диалог с Россией временно исключали Казань из списка потенциально опасных соседей Москвы.

Как ни парадоксально, из ожесточенной борьбы 1523–1524 гг. и Москва, и Казань вышли победителями. Наиболее же ощутимые политические потери понесла крымская династия Гиреев...

По справедливому замечанию И. Б. Михайловой, *«военные кампании 1523 и 1524 гг. имели существенное значение для укрепления*

восточных границ России»²⁰³. И действительно, летняя кампания 1524 г. стала не поражением, а победой государя всея Руси. Восстановление московского влияния на казанские дела уже в 1525 г. позволило живо интересовавшемуся делами далекой Московии итальянцу Павлу Иовию записать со слов русского посла Дмитрия Герасимова, что казанцы *«повинуются Московитскому королю Василию и иногда, по его усмотрению, избирают себе Императора»*²⁰⁴. Несмотря на явное преувеличение посла, коренное изменение русско-казанских отношений он отметил верно: татары в очередной раз признали право Василия III вмешиваться во внутренние дела юрта. Отныне в течение 6-ти лет они не беспокоили восточные рубежи Московского государства. Война вспыхнула лишь в 1530 г., когда власть в Казани вновь оказалась в руках выходцев из Крыма и Ногайской орды²⁰⁵.

Вместо заключения: Шах-Али в кампаниях 1523 и 1524 гг.

Летне-осенняя кампания 1523 г. стала для повзрослевшего Шах-Али первым «боевым крещением». Отныне «служилый царь» принимал участие во многих военных предприятиях Московского государства, возглавляя крупные воинские соединения.

Назначение Шах-Али командующим государевыми ратями в кампаниях 1523 и 1524 гг. преследовало одну-единственную цель: придать войне с казанцами характер борьбы за восстановление на казанском престоле «легитимного» правителя (недаром Разрядная книга упорно продолжала именовать Шах-Али *«царем казанским»*²⁰⁶). Как уже говорилось выше, Шах-Али стал настоящим знаменем ненавистников крымской династии, а значит — противников войны с Московским государством. Летом 1523 г. уставшие от непрекращающихся боевых действий черемисы охотно дали «шерть» «законному» претенденту на ханский трон²⁰⁷.

На следующий год повторить успех не удалось: в ответ на письмо Шах-Али юному хану Сафа-Гирею (фактически — казанским *«князьям»*) с требованием *«отступить от его (Шах-Али. — Н. Б.) наследственного царства»* последовал категоричный отказ²⁰⁸. Получившая в свои руки власть казанская знать вовсе не хотела возвращения русского засилья при ханском дворе.

Командование русским войском, вверенное Шах-Али Василием III, было чисто номинальным. На деле все рычаги управления полками находились во власти «приставленных» к «царю» воевод. Так, весьма показателен эпизод, воспроизведенный на страницах сочинения С. Герберштейна: когда в ходе осады Казани в 1524 г. Шах-Али со своими людьми решил атаковать небольшой татарский отряд, князь И. Ф. Бельский *«запретил ему это, выставил перед ним две тысячи всадников [лишив Ших-Али удобного случая отличиться]»*²⁰⁹. Не принял Шах-Али участия и в переговорах с осажденными казанцами, всецело доверенных государем воеводе Бельскому²¹⁰.

Так начиналась военно-политическая карьера служилого касимовского «царя». Лишь в 1546 г. Шах-Али вновь займет казанский престол. Казалось, судьба улыбнулась ему... Но ненадолго — месяц спустя сын Шейх-Аулияра будет вынужден позорно бежать из города от лица своего заклятого врага Сафы-Гирея.

Возведя в 1519 г. Шах-Али на ханский престол, Василий III надеялся поставить Казанский юрт под свой прямой контроль. Стремительный рост русского засилья вызвал справедливое негодование татарской элиты, вынудив ее пойти на союз с Гиреями. Ценой политической оплошности московских политиков стал страшный «крымский смерч» лета 1521 г. Походы 1523 и 1524 гг., проходившие под эгидой возвращения Шах-Али «наследственного царства» привели к падению крымского влияния, обеспечив Московскому государству шесть лет мира на восточных границах.

Ссылки

1. Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование.— Рязань, 2011.— С. 154.
2. Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 140.
3. Подробную биографию Шейх-Аулияра см.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— СПб., 1863.— Ч. 1.— С. 224–244.
4. Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV — пер. пол. XVI вв.).— М., 2004.— С. 109–113.
Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды.— СПб., 2012.— С. 266.
5. Об историографии проблемы см.: Рахимзянов Б. Р. Возникновение Касимовского царства: вопросы истории и историографии // Точка зрения: межвуз. сб. науч. тр.— Казань, 1999.— С. 5–15.
Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 20–46.
Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство в советской историографии // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2009.— Вып. 1.— С. 132–137.
6. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды.— Саранск, 1960.— С. 255–257.

7. Почекаев Р.Ю. «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2011.— Вып. 3.— С. 112–127.
8. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 21–22.
Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени.— Казань, 1998.— С. 194–198.
Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVII вв.— Казань, 2009.— С. 17.
Сафаргалиев Ю.В. Эволюция статуса Касимовского ханства в рамках русской государственности // Вестник Чувашского университета.— 2008.— № 4.— С. 118–123.
Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.
Рахимзянов Б.Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2010.— Вып. 2.— С. 93–94.
9. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— СПб., 1863.— Ч. 1.— С. 27.
Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962.— С. 42.
Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв.— М., 1963.— С. 121.
Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 235.
Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории).— М., 1982.— С. 234–235.
Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в.— М., 1991.— С. 196.
Горский А.А. Москва и Орда.— М., 2003.— С. 148.
Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств.— Йошкар-Ола, 2008.— С. 232.
Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III.— М., 2016.— С. 21–22.

- Пчелов Е. В. Рюриковичи: история и генеалогия. — М., 2016. — С. 404.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2. // Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. — М., 1988. — Т. 2. — С. 192. А. В. Беляков, в частности, писал, что касимовское пожалование — это «разновидность кормления, переросшая к концу XVI в. в крупное поместное пожалование, прилагаемое к титулу «Касимовский царь»», а само Касимовское ханство «оказалось территориальным образованием, родившимся на кончике пера В. В. Вельяминова-Зернова» (Беляков А. В. «Касимовское царство» раннего периода (XV — первая половина XVI в.): проблема интерпретации источников // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. — М., 2005. — Т. XVII. — Ч. 2. — С. 172–175). Впоследствии исследователь скорректировал свои выводы, отметив, что «перед нами вырисовывается своеобразное ханство или царство», «некоторое эфемерное образование, параллельное общегосударственному административно-территориальному делению» (Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. — Рязань, 2011. — С. 278).
11. Почекаев Р. Ю. «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. — Казань, 2011. — Вып. 3. — С. 117–121.
12. «Нужно подчеркнуть, что титул касимовских правителей — царь, царевич — определялся не в связи с их нахождением в Касимове. Первые касимовские «царевичи», потомки Улуг Мухаммада, Касим и его сын Данияр, всегда фигурировались в источниках, как царевичи. А вот преемник Данияра — Нур-Девлет («Нурдавлат»), происходивший из крымской династии и одно время занимавший престол крымского ханства, — наоборот, величался «царем». А вот его сыну Салтыгану крымское княжение обещано не было: он унаследовал от отца только служилое положение касимовского Чингизида и именовался исключительно «царевичем»... Как видно, статус касимовских правителей заметно отличался от ханов постзолотоордынских государств, вроде Крымского, Казанского ханств и Большой Орды. Их в московских источниках всегда величали царями.

- А касимовский стол, расположенный в составе земель великого Московского княжества, такого титула Чингизидам не гарантировал» (Цит. По: Несин М. А. Статус касимовских Чингисидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение.— 2017.— Т. 5.— № 2.— С. 401–402).
13. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 64.
14. «И в Москве отношение к выплатам средств на содержание касимовских Чингисидов было совсем иным, нежели к ордынскому «выходу». В составленных в 1496 г. договорных грамотах Ивана III с Федором Рязанским упоминается «ясак» касимовского царевича Салтыгана и иных царевичей, что будут на его месте, который рязанский князь должен по старой традиции выплачивать наряду с ордынским «выходом». Однако, если великий московский князь сам перестанет на это выделять средства, то не будет брать с рязанского... Любопытно, что ясак касимовским Чингизидам противопоставлен ордынскому выходу, несмотря на то, что и то, и другое означало выплату средств. Просто, по-видимому, Иван III обозначал так отличие статусов Орды и касимовских царевичей. Выплата дани ордынским царям была, с точки зрения московского князя, совсем не тем, чем содержание вассального служилого царевича». (Цит. По: Несин М. А. Статус касимовских Чингисидов при Василии II и Иване III по данным письменных источников // Золотоордынское обозрение.— 2017.— Т. 5.— № 2.— С. 402.
15. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 61–62.
- Почекаев Р.Ю. «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2011.— Вып. 3.— С. 114–115.
- Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в.— М., 1991.— С. 172.
- См. также: Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига.— Л., 1989.— С. 77–78.
16. Согласно наблюдениям М. А. Несина, опубликованным в насто-

ящем выпуске журнала, взятого в плен в битве под Суздалем Василия II татары отпустили из Курмыша «потребовав выплатить выкуп, и отправили с ним на Русь татар, которые, согласно тверскому источнику, собирали деньги с русских земель... Однако царевичей среди них не было — великокняжеский хронист перечисляет имена мурз, но не упоминает о наличии в их числе детей хана... Это разрушает распространенные представления о том, что эти татары были взяты на службу Василием II, а тем более опровергает гипотезы об их переходе на службу Василию II по уговору с Улу-Мухаммедом после битвы под Суздалем и получении им в соответствии с этим гипотетическим договором фактически независимого от Москвы удела в Касимове... С тех пор ни сам Василий, ни захвативший временно власть в Москве его соперник Дмитрий Шемяка не платили в Казань никаких денег (хотя современники все равно не были уверены, что татары больше не нападут, поэтому Дмитрий Шемяка смог уверить своих союзников что Василий II якобы готов отдать казанскому «царю» Москву, а сам сесть в Твери вместо тверского князя)». (Цит. По: Несин М. А. Первая династия Чингисидов на русской службе: биографии служилых царевичей Касима и Данияра [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв. — Ч. I. — С. 80–81. <http://www.milhist.info/2018/12/31/nesin_12> (31.12.2018).

17. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С. 19–21.
Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. — Казань, 2009. — С. 54–57.
18. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). — СПб., 1859. — Т. 8. — С. 242–243.
Никоновская летопись // ПСРА. — СПб., 1901. — Т. 12. — С. 256.
19. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1863. — Ч. 1. — С. 222.
20. Милюков П. Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901. — С. 49. Еще до смоленского похода в 1507 г. Шейх-Аулияр принял участие в осенней кампании русских войск против Литвы (Там же. — С. 36).

21. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 16.
Подробнее о смоленском походе 1512 г. см.: Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года.— СПб., 2011.— С. 43–48.
22. Шах-Али родился в 1505 г., следовательно к моменту смерти Шейх-Аулияра царевичу было около 11 лет (Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 71.
Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 140).
23. Карамзин Н. М. История государства Российского.— СПб., 1819.— Т. 7. Прим.— С. 37.
Сборник русского исторического общества (далее — Сборник РИО).— Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией.— Т. 2: 1508–1521 гг.— СПб., 1895.— С. 377–378.
24. О роде Ширинов и их влиянии при крымском и казанском дворах см.: Акчурин М. М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции, посвященной памяти М. А. Усманова.— СПб., 2011.— С. 191–200.
25. Сборник РИО.— Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией.— Т. 2.: 1508–1521 гг.— СПб., 1895.— С. 251.
26. Почекаев Р. Ю. Статус ханов Золотой Орды и их преемников во взаимоотношениях с государствами Европы (по официальным актам и свидетельствам современников) // Золотоордынская цивилизация.— 2008.— № 1.— С. 33–34.
27. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 266.
28. Сборник РИО.— Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией.— Т. 2.: 1508–1521 гг.— СПб., 1895.— С. 520.
29. Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба России за безопасность своих южных и восточных границ (1505–1545 гг.): Автореф. докт. дис.— Л., 1988.— С. 16, 20. В сходном ключе мыслила американская исследовательница Дж. Мартин, отмечавшая, что воцарение в Казани представителя астраханской династии в перспективе вело к складыванию военной коалиции Москвы, Казанского, Астраханского и Касимовского

- юртов (Martin J. Medieval Russia, 980–1584.— Cambridge, 1995.— P. 324).
30. Беляков А. В. Потомки Улуг-Мухаммеда в России (XV–XVI вв.) // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси).— Рязань, 2006.— С. 77–83.
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование.— Рязань, 2011.— С. 292.
31. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 25.
32. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 263.
- Судя по всему, неугодный Москве Абдул-Латиф был устранен, открыв таким образом путь к власти юному Шах-Али (Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 65–66). Косвенное упоминание об убийстве Абдул-Латифа содержится в сочинении С. Герберштейна, отметившего, что Василий III повелел отравить некоего «независимого правителя» Каширы, когда тот будто бы «составил заговор убить его» (Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 315).
33. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 266.
- Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 31.
- Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ.— СПб., 1913.— Т. 21.— С. 596–597.
- Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 144.
34. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 69. Предположение М. Г. Худякова нашло поддержку и в работах других исследователей (см. напр.: Котляров Д. А. О становлении «всей земли Казанской» // Исследования по истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова.— М., 2006.— С. 334; Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 142).
35. Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Исторические записки.— М., 1948.— Вып. 27.— С. 34. Об исторических связях Ширинов с Мещерой см.: Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.— СПб., 2016.— С. 186–187.
36. Никоновская летопись // ПСРЛ. Первая половина.— СПб.,

- 1904.— Т. 13.— С. 31–32.
37. Сборник РИО.— Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией.— Т. 2.: 1508–1521 гг.— СПб., 1895.— С. 661.
38. Там же.— С. 666.
39. Об оценке русско-крымского договора 1518 г. см.: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.— М., 2001.— С. 194.
40. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 32.
41. Там же.
42. Рахимзянов Б. Р. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани (первая половина XVI в.) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей.— Казань, 2004.— С. 151.
Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 144.
43. Рахимзянов Б. Р. Русские летописи о правлении касимовских ханов в Казани (первая половина XVI в.) // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей.— Казань, 2004.— С. 147.
44. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов.— М., 2004.— С. 267.
45. См. напр.: Муравьев А. В., Сахаров А. М. Очерки истории русской культуры IX–XVII вв.— М., 1984.— С. 76, 182.
46. См. напр.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947.— С. 71, 97.
Килунов А. Ф. К вопросу о морализме древнерусской летописи // Отечественная общественная мысль эпохи средневековья: Историко-филологические очерки.— Киев, 1988.— С. 141.
Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв.— СПб., 1996.— С. 41.
47. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года.— М., 1960.— С. 18.
48. Там же.— С. 19.
49. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 25.
50. Там же.— С. 32.
51. Там же.— С. 46.
52. Там же.— С. 25.

53. Там же.— С. 32.
54. Там же.— С. 46.
55. О тождественности курултая и «всей земли Казанской» см.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 184–188.
- Котляров Д.А. О становлении «всей земли Казанской» // Исследования по истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова.— М., 2006.— С. 326–340.
- Котляров Д.А. «Вся земля Казанская» в 1521–1551 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 5: к 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова.— СПб., 2016.— С. 377–393.
- Трепавлов В.В. Большая Орда — Тахт эли. Очерки истории.— Тула, 2010.— С. 32–33.
- Почекаев Р.Ю. Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2012.— Вып. 4.— С. 114.
56. Никоновская летопись // ПСРА.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 32.
57. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 45.
58. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.— Казань, 1995.— С. 58.
59. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 73.
60. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории.— Казань, 2009.— С. 145–146.
61. Петрякович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации).— М., 1877.— С. 151–154.
62. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 38–39.
63. Виппер Р.Ю. Иван Грозный // Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530–1584). Виппер Р.Ю. Иван Грозный.— М., 1998.— С. 58–59.
64. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки.— М., 1948.— Вып. 27.— С. 18–19.
65. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-

- архивного института.— Т. 6.— М., 1954.— С. 225.
66. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 240.
67. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в.— М., 1990.— С. 52–53.
68. Кузнецов А.Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века.— Саранск, 2002.— С. 164–165, 224–227.
69. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды.— М., 2001.— С. 216–217.
70. Мейер М.С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г. Формирование общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера.— М., 2003.— С. 94.
71. Филюшкин А.И. Василий III.— М., 2010.— С. 262.
72. Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2013.— Вып. 5.— С. 20–29.
73. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 37.
74. Софийская 2-я летопись // ПСРЛ.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 263.
75. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 269.
76. Львовская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1914.— Т. 20.— С. 401.
77. Ермолинская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 203.
78. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 310.
79. Постниковский летописец // ПСРЛ.— М., 1978.— Т. 34.— С. 13.
80. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 280.
81. Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145.
82. Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 218.
83. Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 160.
84. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 31.
85. Казанский летописец. Список Румянцевского музея // ПСРЛ.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 242.

86. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 413.
87. Никоновская летопись // ПСРА.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 148–149.
Летописец начала царства // ПСРА.— М., 1965.— Т. 29.— С. 48–49.
88. Моисеев М. В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства.— Казань, 2013.— Вып. 5.— С. 28–29.
89. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРА.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 31.
90. Типографская летопись // ПСРА.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 218.
По сообщению Нового летописца, русским гарнизоном командовал князь Н. Ю. Глинский (Новый летописец.— М., 1853.— С. 16).
91. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРА.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 31–32.
92. Там же.— Стб. 31.
93. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 413.
94. Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 160.
95. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРА.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 31.
96. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 413.
97. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— СПб., 1863.— Ч. 1.— С. 258.
Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии.— СПб., 1798.— Ч. 2.— С. 6.
98. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 72.
99. Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии.— СПб., 1798.— Ч. 1.— С. III.
100. Прокопович Ф. Сочинения.— М.; Л., 1961.— С. 26.
101. Никоновская летопись // ПСРА.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 57.
102. Сборник РИО.— Т. 95: Памятники дипломатических сношений

- Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией.— Т. 2.: 1508–1521 гг.— СПб., 1895.— С. 678. По предположению Г.В. Вернадского, военный переворот в пользу Сахиб-Гирея был подготовлен эффективными действиями «крымских агентов» в Казани (Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь.— М., 1997.— С. 166). Однако данное не опирающееся на данные источников предположение представляется ошибочным.
103. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 32.
 104. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 37.
 105. Там же.— С. 43.
 106. По сообщению С. Герберштейна, сразу после смерти Мухаммед-Амина Шах-Али женился на его вдове, дочери ногайского бия Муссы бен Ваккаса Фатиме, что в значительной степени способствовало восхождению касимовского «царя» на престол казанских ханов (Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 413). Однако, по справедливому замечанию М.Г. Худякова, «это сообщение следует признать совершенно неправильным, так как кандидатура Шах-Али была объявлена в Москве в то время, когда он был еще не женат, тем более — на вдове Мухаммеда-Эмина, скончавшегося в Казани всего за несколько дней перед этим» (Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 73). В то же время нельзя исключать, что посетивший Москву в 1526 г. австрийский дипломат зафиксировал действительность того времени: вполне возможно, что Шах-Али взял в жены вдову Мухаммед-Амина уже после своего прибытия в Казань.
 107. Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145.
 108. Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 160.
 109. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 32.
 110. Софийская 2-я летопись // ПСРЛ.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 263. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 269. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 37.

- Львовская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1914.— Т. 20.— С. 401.
- Постниковский летописец // ПСРЛ.— М., 1978.— Т. 34.— С. 13.
- Ермолинская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 203.
- Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 310.
- Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 280.
111. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 413.
112. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года.— М., 1960.— С. 22.
113. Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 160.
114. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 32.
115. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 241.
116. Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия.— М., 1974.— С. 55.
- Каргалов В. В. «На границах стоять крепко!» Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв.— М., 1998.— С. 204, 208.
117. Софийская 2-я летопись // ПСРЛ.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 263.
- Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145.
- Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 311.
- Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 161.
- Разрядная книга 1475–1598 гг.— М., 1966.— С. 65.
- Впоследствии при отступлении крымской орды рязанскому наместнику И. В. Хабару Образцову удалось выкупить находящегося при смерти князя Оболенского (Софийская 2-я летопись // ПСРЛ.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 263; Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 221; Владимирский летописец //

- ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145).
118. Софийская 2-я летопись // ПСРЛ.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 263.
Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145.
Псковская 1-я летопись. Продолжение Погодинского списка // Псковские летописи.— М.; Л., 1941.— Вып. 1.— С. 102.
119. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 269.
Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 38–39.
Львовская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1914.— Т. 20.— С. 402.
Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 221.
Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145.
Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 280.
Иовий П. Описания прославленных людей // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы.— М., 1997.— С. 355.
120. Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 221.
121. Новгородская 4-я летопись. Список Н. К. Никольского // ПСРЛ.— Л., 1929.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 613.
Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 311.
Постниковский летописец // ПСРЛ.— М., 1978.— Т. 34.— С. 14.
Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVII вв. // Исторический архив.— М.; Л., 1950.— Т. 5.— С. 15.
122. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 42.
Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ.— СПб., 1913.— Т. 21.— С. 599.
123. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 311.
124. Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 161.
125. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 311.
126. Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 221.
127. Владимирский летописец // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 145.
128. Там же.
129. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.—

Т. 1.— С. 421.

130. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Тихомиров М.Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 208.
131. Новгородская 2-я (Архивская) летопись // ПСРЛ.— М., 1965.— Т. 30.— С. 202.
132. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 280.
133. Нижегородский летописец.— Нижний Новгород, 1886.— С. 31.
134. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования.— СПб., 1905.— С. 602.
135. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 43.
136. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 247–251.
137. Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 221–222.
Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 161–162.
Разрядная книга 1475–1605 гг.— М., 1977.— Т. 1.— Ч. 1.— С. 188.
138. Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 222.
По вполне вероятному предположению И.Б. Михайловой, столь необычный маршрут государя был ни чем иным, как «паломничеством по святым местам с целью умилоствовать Всевышнего и обеспечить его поддержку в предстоящей войне» (Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.— 2015.— Т. 4.— № 2.— С. 36).
139. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 270.
140. Новгородская 4-я летопись. Список Дубровского // ПСРЛ.— Л., 1929.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 541.
141. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 270.
142. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— СПб., 1863.— Ч. 1.— С. 263.
143. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 79.

144. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник.— М., 2000.— С. 104.
145. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVII вв.— Казань, 2009.— С. 135.
146. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 253.
147. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края.— Йошкар-Ола, 1998.— С. 71.
148. Нижегородский летописец.— Нижний Новгород, 1886.— С. 32. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 281.
149. Вологодско-Пермская летопись // ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 312.
150. Воскресенская летопись // ПСРА.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 270.
151. Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 162.
152. Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 281.
153. Постниковский летописец // ПСРА.— М., 1978.— Т. 34.— С. 14.
154. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 253. Филюшкин А.И. Василий III.— М., 2010.— С. 267. Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.— 2015.— Т. 4.— № 2.— С. 35.
155. Ранее подобная мысль была осторожно высказана в работах В.А. Волкова (Волков В.А. Войны и войска Московского государства.— М., 2004.— С. 90; Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III.— М., 2016.— С. 182) и Д.А. Котлярова (Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России.— Ижевск, 2005.— С. 188).
156. Вологодско-Пермская летопись // ПСРА.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 312.

157. Софийская 2-я летопись // ПСРА.— СПб., 1853.— Т. 6.— С. 264.
158. Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVII вв. // Исторический архив.— М.; Л., 1950.— Т. 5.— С. 15.
159. Автор Воскресенской летописи обратил особое внимание на замысел московского командования, сообщив, что Василий III «велел пленити Казанские места, а в ту пору велел поставити на усть реки Суры град деревян» (Воскресенская летопись // ПСРА.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 270. См. также: Львовская летопись // ПСРА.— СПб., 1914.— Т. 20.— С. 402).
160. Никоновская летопись // ПСРА.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 164.
161. Новгородская 4-я летопись. Список Дубровского // ПСРА.— Л., 1929.— Т. 4.— Ч. 1.— С. 541.
162. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией.— СПб., 1836.— Т. 1.— № 172.— С. 144. Ороли Васильсурска как плацдарма для будущего наступления на Казань сообщает также официальный наказ русскому послу в Литве Г. Д. Загряжскому от 1524 г.: «Государь ... велел город поставити того дея, чтоб ему ближе из того города с Казанью свое дело делати» (Сборник РИО.— Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским.— СПб., 1882.— Т. 1: 1487–1533 гг.— С. 682).
163. Типографская летопись // ПСРА.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 222.
164. Там же; Разрядная книга 1475–1598 гг.— М., 1966.— С. 69–70.
165. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРА.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 34.
Новый летописец.— М., 1853.— С. 16.
Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 435.
166. Типографская летопись // ПСРА.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 222. О новгородской «кованой рати» см.: Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода.— М., 1994.— С. 48.
167. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 261.
168. Никоновская летопись // ПСРА.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 44.
169. См. напр.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах.— СПб., 1863.— Ч. 1.— С. 264–267.
Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань,

- 1923.— С. 81.
170. Котляров Д. А. «Вся земля Казанская» в 1521–1551 гг. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах.— Вып. 5: к 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова.— СПб., 2016.— С. 379.
171. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 44.
См. также: Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 270.
Львовская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1914.— Т. 20.— С. 403.
Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ.— СПб., 1913.— Т. 21.— С. 604.
Ермолинская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 203.
Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 312.
Постниковский летописец // ПСРЛ.— М., 1978.— Т. 34.— С. 14–15.
Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 282.
172. Разрядная книга 1475–1605 гг.— М., 1977.— Т. 1.— Ч. 2.— С. 190.
173. Сходную точку зрения ранее высказывал А. А. Зимин, полагавший, что Сафа-Гирей был послан «в помощь казанцам из Крыма» (Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 262). Помощь эта, однако же, весьма сомнительна по своему содержанию: то была отчаянная попытка хана Саадата сохранить контроль над Казанским юртом, посадив на казанский престол представителя рода Гиреев.
174. Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 282.
175. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 44.
Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 222.
176. Синодик: Заповедь святого и великого всея вселенныя Никейского седьмого собора около 1684 года // Древняя Российская вивлиофика.— М., 1788.— Ч. 6.— С. 465–467.
177. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 433.
178. Там же.— С. 427.

179. Там же.— С. 429.
180. Казанский летописец. Соловецкий список // ПСРЛ.— СПб., 1903.— Т. 19.— Стб. 34–35.
Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 429–431.
181. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 433.
182. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 44.
Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 433.
183. Разрядная книга 1475–1598 гг.— М., 1966.— С. 70.
184. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 312.
Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 433–435.
185. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 435.
186. Там же.
187. Типографская летопись // ПСРЛ.— Пг., 1921.— Т. 24.— С. 222.
188. Разрядная книга 1475–1605 гг.— М., 1977.— Т. 1.— Ч. 2.— С. 190–191.
189. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 44.
См. также: Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.— Т. 8.— С. 271.
Львовская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1914.— Т. 20.— С. 403.
Ермолинская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1910.— Т. 23.— С. 203.
Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив.— 1951.— Т. 7.— С. 282.
190. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ.— М.; Л., 1959.— Т. 26.— С. 312.
Постниковский летописец // ПСРЛ.— М., 1978.— Т. 34.— С. 15.
191. Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ.— СПб., 1913.— Т. 21.— С. 604.
192. Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 163.

193. Никоновская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1904.— Т. 13.— С. 44.
194. Соловьев С.М. История России с древнейших времен.— М., 1851.— Кн. 1.— Т. 1–5.— Стб. 1637.
195. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства.— Казань, 1923.— С. 86.
196. Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки.— М., 1948.— Вып. 27.— С. 55.
197. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.).— М., 1972.— С. 267.
198. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв., 1238–1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник.— М., 2000.— С. 105.
199. Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв.— Казань, 1995.— С. 65.
200. Кузнецов А.Б. Русско-казанские отношения в 1521–1524 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиевских научных чтений.— Саранск, 1999.— С. 78–79.
Кузнецов А.Б. Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века.— Саранск, 2002.— С. 235.
201. Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III.— М., 2016.— С. 186.
202. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края.— Йошкар-Ола, 1998.— С. 74–76.
203. Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.— 2015.— Т. 4.— № 2.— С. 35.
204. Иовий П. Книга о московитском посольстве // Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве.— СПб., 1908.— С. 258. В те же годы голландский богослов Альберт Кампенский также преувеличенно писал, что «власти московитов подчиняется ... татарская орда, которая живет в степях у замка Казань» (Кампенский А. О Московии // Россия в первой половине XVI в: взгляд из Европы.— М., 1997.— С. 103).
205. Воскресенская летопись // ПСРЛ.— СПб., 1859.—

- Т. 8.— С. 274–277.
206. Разрядная книга 1475–1598 гг.— М., 1966.— С. 72.
207. Тихомиров М. Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание.— М., 1979.— С. 162.
208. Герберштейн С. Записки о Московии. В двух томах.— М., 2008.— Т. 1.— С. 429.
209. Там же.— С. 433.
210. Там же.— С. 435.